

DOI 10.15421/251910

УДК 811. 161. 1'367

МЕНЬШИКОВ Игорь Иванович

доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и славянского языкознания
Днепропетровского национального университета имени Олеся Гончара; пр. Гагарина, 72, г. Днепр, 49010, Украина;
тел.: +38(056) 374-98-80; e-mail: iimdn@gmail.com; ORCID ID 0000-0001-8994-2958

ИЕРАРХИЯ КОММУНИКАТИВНЫХ ЕДИНИЦ В РУССКОЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТАХ

Аннотация. *Цель исследования* – выявить иерархические отношения между коммуникативными единицами, наполняющими русскоязычный текст. *Объект изучения* – иерархия как последовательное вхождение одних синтаксических единиц в другие, более сложные, *предмет* – русскоязычные тексты с синтаксическими построениями различного ранга иерархий. *Материал исследования* – двадцать русскоязычных текстов, содержащих в себе коммуникативные единицы, построенные по разным моделям. *Методы* – использованы описательный, структурный и количественный методы. *В результате* исследования выявлена последовательность вхождения в текст предикативных образований различной сложности. *Практическое применение* – возможно в исследованиях организации текста как синтаксической единицы. Реалии языка, как известно, далеко не всегда могут соответствовать канонизированным суждениям, толкованиям и формулировкам, в том числе и таким, которые зафиксированы в официальных научных, учебных и справочных изданиях. В сверхфразовом единстве может не оказаться сложных предложений, а в качестве текста как синтаксической единицы может функционировать не только сверхфразовое единство или сложное предложение, но и предложение простое и даже отдельное слово, которое тоже может при определённых условиях быть коммуникативной единицей. **Выводы:** 1) составляющими текста являются предикативные коммуникативные единицы; 2) формально ожидаемый вектор иерархии коммуникативных единиц должен предположительно иметь такой вид: простое предложение – сложное предложение – сверхфразовое единство – текст; 3) коммуникативные единицы последующих иерархических рангов в силу их антитранзитивности не всегда строятся непосредственно из единиц ранга предыдущего и строго ему предшествующего; 4) порядок расположения наполняющих текст коммуникативных единиц различного иерархического уровня жёстко не регламентирован и может быть практически произвольным, с многократным дублированием одних и тех же их моделей.

Ключевые слова: текст, коммуникативная единица, непосредственно составляющие, иерархические отношения, антитранзитивность.

Определяющее в словосочетании *коммуникативная единица* прямо соотносится с понятием *коммуникативность* как принципиальной возможностью совершить, по И. С. Поповой, акт коммуникации [12, с. 134], заключающийся, как это отмечено в Лингвистическом энциклопедическом словаре, в специфической форме взаимодействия людей: общении, обмене мыслями, сведениями, идеями и т. д. [6, с. 233] – или, несколько шире, в акте целенаправленного информационного обмена между двумя и более сущностями с помощью определённой семиотической системы, в процессе их познавательно-трудовой деятельности [16, с. 274]. Реализуется коммуникативность в системе коммуникативных единиц любого из современных развитых языков, в том числе, естественно, и языков среднего европейского стандарта – СЕС. И вполне логично, по нашему мнению, квалифицировать в качестве коммуникативной любую лингвистическую единицу, связанную с коммуникацией.

Постановка проблемы. Коммуникативные единицы имеют свою специфику и, будучи единицами предикативными, как правило, достаточно чётко противопоставлены синтаксическим единицам докоммуникативного, условно говоря, уровня, включающего в себя различного рода номинирующие конструкты. Правда, в системе коммуникативных единиц языков СЕС, или, как это, например, у Бенджамена Л. Уорфа, *Standard Average European* – (SAE), в том числе и в русском языке, далеко не всё однозначно детерминировано, особенно касательно синтаксической иерархии в синонимическом ряду с лексической доминантой *предложение*. Тем не

менее преодолеть имеющиеся при этом противоречия, связанные, в частности, с асимметричным дуализмом языкового знака, т. е. в наличии у одного знака двух и более значений (полисемия, омонимия) и, наоборот, в возможности обозначения одного содержания двумя и больше знаками (синонимия) [16, с. 42], нам представляется теоретически вполне возможным, и задачей предлагаемого ниже исследования является описание реальной, жёстко не обусловленной характером текста иерархии в системе коммуникативных единиц современного русского языка. При этом в качестве иерархических отношений мы квалифицируем такие отношения между предметами и явлениями объективной действительности, которые связаны с их иерархией как совокупностью, по словарю В. Т. Бусела, отношений старшинства в том или ином множестве последовательно расположенных должностей, чинов и т. п. или как возможностью последовательного построения единиц, если говорить о синтаксическом строе языка, более высокого ранга иерархии из единиц предыдущего иерархического ранга. По-разному, правда, даже в специальных справочных и научных изданиях устанавливается направление соответствующего вектора: как от низших рангов к высшим [2, с. 488; 4, с. 119], так и от высших рангов к низшим [1, с. 66; 17, с. 204].

В предлагаемой статье мы исходим из того, что к коммуникативным единицам в различного рода изданиях с разной зачастую степенью обоснованности и категоричности лингвисты относят такие конструкты, как фраза, высказывание, предложение, сложное предложение, период, сложное синтаксическое целое (сверхфразовое единство), текст, а также (в отдельных концепциях) диалог [18, с. 130], предикативная зона [9, с. 17–19] и некоторые другие лингвистические образования, так или иначе связанные с различными средствами, способами и формами человеческого общения. Особое место в приведенном списке терминов, коль скоро мы исследуем собственно иерархические отношения, должны, очевидно, занимать те речевые цепи, которые прямо или опосредованно соотносятся с основной коммуникативной единицей языка – предложением в любом из всех возможных субстанциональных параметров и функциональных назначений соответствующей лингвистической фигуры. К такого рода речевым цепям мы относим, наряду с простым предложением, синтаксические единицы следующего за простым предложением структурно-функционального уровня, включая текст, и фиксируем последовательность из четырёх иерархически связанных друг с другом синтаксических единиц: простого предложения (III), сложного предложения (СИ), сверхфразового единства (СЕ), текста (Т).

На первый взгляд, всё здесь иерархически детерминировано вполне определённо, и каждая из коммуникативных единиц последующих структурно-функциональных уровней строится из расположенных слева от неё единиц предыдущих уровней, что чётко соответствует принципу от простого к сложному, когда некая лингвистическая единица, например сложное предложение, будучи более сложной по отношению к какой-то иной, более простой, единице, скажем простому предложению, является одновременно одним из составляющих ещё более сложного, чем она сама, конструктивного построения, такого, например, как сверхфразовое единство, как это имеет место в последовательности из следующих трёх речевых цепей: *Температура воздуха резко снизилась – Температура воздуха резко снизилась, небо затянулось облаками – Температура воздуха резко снизилась, небо затянулось облаками. Сверкнула молния, и пошёл дождь.*

В свою очередь эти речевые цепи могут быть в определённых условиях квалифицированы в качестве одной синтаксической и коммуникативной единицы следующего иерархического уровня – текста.

Реалии языка, как известно, далеко не всегда могут соответствовать канонизированным суждениям, толкованиям и формулировкам, в том числе и таким, которые зафиксированы в официальных научных, учебных и справочных изданиях. В сверхфразовом единстве может не оказаться сложных предложений, а в качестве текста как синтаксической единицы может функционировать не только сверхфразовое единство или сложное предложение, но и предложение простое и даже отдельное слово, которое тоже может при определённых условиях быть коммуникативной единицей (*Нет. Утром. Светает. Похолодало.* и др.). И весьма показатель-

ны в этом плане разработки лингвистов, касающиеся внесистемных синтаксических связей [12, с. 247–286], направлений синтаксической зависимости [11, с. 145–149] и ряда других проблем, прямо или опосредованно ориентированных в их прикладном аспекте на установление и описание иерархии единиц самых разных уровней структуры языка, но прежде всего, что вполне естественно, уровня синтаксического. Попробуем и мы разобраться не в гипотетически устанавливаемой, а в реальной, объективно имеющей место, а соответственно и воспроизводимой иерархии синтаксического ряда коммуникативных единиц, открываемого простым предложением, включающего в себя сложное предложение и сверхфразовое единство, а завершаемого текстом.

Принцип иерархии традиционно заложен лингвистами в систему построения уровней структуры языка, хотя и здесь есть некоторые нюансы иерархического плана, касающиеся отнесения, скажем, словообразования к лексикологии или к грамматике (морфологии). В синтаксисе с подобного рода энтропией, и в частности при установлении иерархических отношений, мы сталкиваемся очень часто, практически всякий раз, когда в некоторой речевой цепи (и это показала И. С. Попова) имеет место синтаксическая омонимия как такая неоднозначность её смысла, которая непосредственно обусловлена объективной возможностью установить в этой цепи и актуализировать разные синтаксические связи между её компонентами, а соответственно и отобразить в ней различные явления и ситуации объективного мира [12, с. 290]. Там же примеры типа: *Он подошёл к шкафу с книгами; Она вернулась из командировки в Киев; Выступление министра на открытии школы по подготовке водолазов в Днепре* [12, с. 287].

Нормально ожидаемый вектор иерархии коммуникативных единиц должен был бы предположительно иметь такой вид: **ПП** → **СПСЕ** → **Т**. В действительности же всё выглядит не так просто.

Связь с предыдущими исследованиями. В речевой практике носителей русского языка мы можем зафиксировать или построить самим синтаксические конструкции, представляющие собой практически любые комбинации рассматриваемых коммуникативных единиц, т. е. самые разные речевые цепи, включающие в себя как отдельные, так и иерархически связанные между собой её коммуникативно значимые компоненты. И это соответствующим образом отражено в грамматике современного русского литературного языка (1970 г.) и в двух изданиях русской грамматики (1980 и 1990 гг.), а также при самом общем толковании текста как нормативного и формально завершённого речевого произведения, содержащего в себе прагматически ориентированную информацию [8, с. 170], в том числе и при квалификации в качестве текста какого-либо содержательно и прагматически существенного фрагмента такого произведения, включая цитату.

Постановка заданий исследования. Цель настоящей статьи – описать иерархические отношения между коммуникативными единицами как компонентами русскоязычного текста.

Изложение основного материала. В результате проведенного исследования нами были зафиксированы следующие модели коммуникативных единиц, входящих в текст как синтаксическое образование:

ПП (*Во дворе злая собака // Высокое напряжение*).

СП (*Когда поют солдаты, спокойно дети спят // Минздрав предупреждает, что курение вредит вашему здоровью*).

СЕ (*Охранник толкнул дверь кабинета плечом. Она не поддалась // «Всё моё», – сказала злато; «Всё моё», – сказал булат. «Всё куплю», – сказала злато; «Всё возьму», – сказал булат*).

ПП → **СП** (*В комнате никого не было → В комнате никого не было, но в пепельнице лежала ещё дымящаяся сигарета*).

ПП → **СЕ** (*Мы не поехали на рыбалку → Мы не поехали на рыбалку. Потому что пошёл дождь. Довольно сильный*).

И это без фиксации конструкторов с различным порядком только двух их составляющих, т. е. конструкторов типа

СП → ПП (*В комнате никого не было, но в пепельнице лежала ещё дымящаяся сигарета* → *Следователь задумался*).

СЕ → ПП (*Мы не поехали на рыбалку. Потому что шёл дождь. Довольно сильный* → *План не удался*), – а также ещё шести (эн факториал, т. е. число перестановок из трёх элементов без повторов: $1 \times 2 \times 3 = 6$), которые теоретически могут быть построены с различным порядком расположения трёх его коммуникативных единиц, иерархически наполняющих соответствующий текст: ПП → СП → СЕ; ПП → СЕ → СП; СП → ПП → СЕ; СП → СЕ → ПП; СЕ → ПП → СП; СЕ → СП → ПП.

Проиллюстрируем иерархию коммуникативных единиц и в реальных текстах из романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Вот типичное построение двух онегинских строф:

*Что ж мой Онегин? Полусонный
В постелю с бала едет он:
А Петербург неугомонный
Уж барабаном пробуждён.
Встаёт купец, идёт разносчик,
На биржу тянется извозчик,
С кувшином охтенка спешит,
Под ней снег утренний хрустит.
Проснулся утра шум приятный,
Открыты ставни; трубный дым
Столбом восходит голубым,
И хлебник, немец аккуратный,
В бумажном колпаке, не раз
Уж отворял свой васисдас* [14, с. 25].

*Увы, Татьяна увядает,
Бледнеет, гаснет и молчит!
Ничто её не занимает,
Её души не шевелит.
Качая важно головою,
Соседи шепчут меж собою:
Пора, пора бы замуж ей!..
Но полно. Надо мне скорей
Развеселить воображенье
Картиной счастливой любви.
Невольно, милые мои,
Меня стесняет сожаленье;
Простите мне: я так люблю
Татьяну милую мою!* [14, с. 86]

В левой строфе мы можем, исходя из традиционного их толкования, зафиксировать такие коммуникативные единицы:

- 1) сверхфразовое единство (первая и вторая строки),
- 2) простое предложение (третья и четвёртая строки),
- 3) сложное предложение (следующие четыре строки),
- 4) сложное предложение (шесть заключающих строфу строк).

Последовательность этих единиц представлена следующим вектором:

СЕ → ПП → СП → СП.

Соответствующий вектор правой строфы в иерархическом плане выглядит аналогично, хотя и несколько иначе:

СЕ → СП → ПП → ПП → СП.

Иначе размещены в тексте строфы и компоненты этого вектора:

- 1) сверхфразовое единство (первые четыре строки),
- 2) сложное предложение (пятая, шестая и седьмая строки),
- 3) простое предложение (первые два слова восьмой строки),
- 4) простое предложение (часть восьмой строки, девятая и десятая),
- 5) сложное предложение (оставшиеся четыре строки).

При этом в обеих приведенных в качестве иллюстрации строфах, как, по нашим наблюдениям, и в большинстве такого рода поэтических фигур романа «Евгений Онегин», наличие собственно иерархических отношений между всеми коммуникативными единицами, входящими в эти фигуры, а также в иные синтаксические образования, весьма проблематично. Вполне очевидно, что ни сложное, ни тем более простое предложение не строится на базе сверхфразового единства, которое в качестве отдельной синтаксической единицы, уже по определению, не может входить в состав предложения. Не может, по определению же, в составе простого предложения оказаться сложное предложение, разве что будучи предложением вводным, т. е. встав-

ленным в другое предложение, но грамматически не связанным ни с одним из его членов [1, с. 72], как это имеет место в том же романе Пушкина:

*И вот уже трещат морозы
И серебрятся средь полей...
(Читатель ждёт уж рифмы розы;
На, вот возьми её скорей!)
Опрятней модного паркета
Блестит речка, льдом одета* [14, с. 93].

И ещё, с более развёрнутой вставкой:

*Так он писал темно и вяло
(Что романтизмом мы зовём,
Хоть романтизма тут ни мало
Не вижу я; да что нам в том?)
И наконец перед зарёю,
Склонясь усталой головою,
На модном слове идеал
Тихонько Ленский задремал...* [14, с. 128].

Выделенные фрагменты обеих строф представляют собой вводные предложения, которые хотя и связаны опосредованно с общей канвой повествования романа, но не входят в содержательную его часть и, надо полагать, могут быть без сколько-нибудь существенных потерь исключены из соответствующих стихов или чем-то заменены в них. Здесь есть некая асимметрия, условно говоря, плана содержания и нарушение иерархических отношений в системе коммуникативных конструкторов, образующих текст как синтаксическую единицу. Думается, что энтропию, а зачастую и прямое нарушение иерархических отношений на синтаксическом уровне структуры языка мы вынуждены будем постоянно фиксировать при квалификации иерархии как последовательного перехода той или иной синтаксической единицы от простой к сложной или от сложной к более сложной. Но возможен и иной принцип описания наполнения текста входящими в него коммуникативными единицами, принцип, аналогичный анализу по непосредственно составляющим, практикуемый в дескриптивной лингвистике [3, с. 185–193] и основанный на противопоставлении компонентов речевой цепи, которые вообще входят в неё, т. е. независимо от их иерархического статуса по отношению друг к другу и к соответствующей семантико-синтаксической доминанте, тем компонентам, из которых непосредственно построено то или иное синтаксическое образование со своей реальной иерархической конфигурацией – от простого к сложному. И если иерархические отношения в общей системе синтаксических единиц, составляющих некоторый текст, являются весьма диффузными, то иерархию предикативных построений как составляющих каждого из последующих иерархических рангов можно представить, используя аппарат модели контаминированных образов, практически однозначно следующим аналитическим выражением:

$$\begin{array}{l} \text{ПП} \\ \text{СП} \\ \text{СЕ} \end{array} \left(\begin{array}{l} \text{СП} \\ \text{СФ} \\ \text{ПП} \end{array} \left(\begin{array}{l} \text{СЕ} \\ \text{ПП} \dots (\text{T}) \\ \text{СП} \end{array} \right) \right)$$

Есть, по-видимому, смысл, как и у Г. Глисона, выделить в общей системе иерархических составляющих такое их подмножество, которое следовало бы квалифицировать в качестве непосредственно составляющих (сокращённо НС) как составляющих, из которых непосредственно образована та или иная конструкция [3, с. 190–191], и в котором вектор иерархических отношений был бы более строгим, без тавтологии и прямо указывал бы на вхождение одной коммуникативной единицы в другую, более сложную. Такого рода гармонии, однако, в русском языке достичь очень трудно, а скорее всего вообще невозможно в силу объективной антитранзитивности

целого ряда речевых фигур, когда, как это иллюстрирует Н. И. Кондаков, из того, например, что А не знаком с В, а В не знаком с С, не следует, что А тоже не знаком с С [5, с. 543]. В синтаксисе: из того, например, что в словосочетании типа *читать вчерашние газеты* существительное *газеты* (А) синтаксически не подчиняется прилагательному *вчерашние* (В), а *вчерашние* не подчиняется глаголу *читать* (С), не следует, что и слово *газеты* не подчиняется этому глаголу.

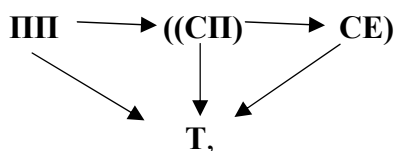
Сводить иерархический вектор компонентов произвольного текста к приведенной выше и теоретически, казалось бы, безупречной его модели $\text{ПП} \rightarrow \text{СП} \rightarrow \text{СЕ} \rightarrow \text{Т}$ формальных оснований нет. И текст, в частности, даже будучи отдельным художественным произведением, может быть построен из одного простого предложения, без сверхфразовых единств и без сложных предложений, как это мы видим в пушкинской «Эпитафии младенцу»:

*В сиянье, в радостном покое,
У трона вечного творца
С улыбкой он глядит в изгнание земное,
Благословляет мать и молит за отца* [13, с. 91].

Более того, в текстах типа *Днепро́вский национальный университет имени Олеса Гончара; Выход в город; Справочное бюро* и т. п. может не оказаться и простых предложений в том, во всяком случае, многословном и мало похожем на строгую научную дефиницию толковании этих коммуникативных единиц, которое даётся во втором томе Русской грамматики под редакцией Н. Ю. Шведовой, где простое предложение определяется как такое высказывание, которое образовано по специально предназначенной для этого структурной схеме, обладает грамматическим значением предикативности и своей собственной семантической структурой, обнаруживает эти значения в системе синтаксических форм (в парадигме предложения) и в регулярных реализациях и имеет коммуникативную задачу, в выражении которой всегда принимает участие интонация [15, с. 89–90]. Сверхфразовое единство, в свою очередь, не обязательно включает в свой состав сложные предложения и, подобно тексту, если исходить из подобных только что приведенному толкований предложения, тоже, по-видимому, может функционировать без предложений простых. Думается при этом, что каких-то обязательных составляющих текста, таких, в частности, которые можно было бы отнести и к его непосредственно составляющим, по всей вероятности, не существует. Ситуация, конечно же, парадоксальная, и выйти из неё можно, как мы считаем, лишь приняв для основной коммуникативной единицы иное, более общее (при этом возможны самые различные, требующие детального обсуждения и специальной дискуссии варианты) определение такого, например, характера:

Предложение – это любое предикативное образование, которое состоит из слова, а равно его аналога или из синтаксически или по смыслу связанной группы слов и выполняет коммуникативную функцию [7, с. 46], т. е. является или может быть единицей общения или её коммуникативно значимым фрагментом.

Такое толкование основной коммуникативной единицы позволяет нам при некоторой детализации субстанциональных параметров соответствующих речевых цепей практически однозначно квалифицировать их в качестве предложений, и в частности предложений простых как единиц первого, младшего иерархического ранга, и непредложений, т. е. каких-то иных лингвистических образований, иных иерархически связанных с предложениями конструкторов. При этом общую систему иерархических отношений между коммуникативными единицами текста, исходя из логики приведенных выше соображений, мы считаем целесообразным представить схематично в таком виде:



где стрелки указывают на последовательное вхождение коммуникативной единицы предыдущего иерархического ранга в единицу следующего ранга, а в круглые скобки заключены факкультативные в построенных аналитических выражениях их компоненты. Показано, таким образом, что текст может быть построен из одного простого и/или сложного предложения, а также из сверхфразового единства, но минимальными и абсолютно обязательными составляющими текста являются простые предложения, которые могут состоять и из одного слова типа **ВЫХОД**, и даже из одной буквы, скажем буквы **М**, у входа в метро или в соответствующей словарной статье толкового словаря.

Г. Глисон отмечает, что непосредственно составляющие какой-либо конструкции являются составляющими для следующего, нижележащего уровня, т. е. на более низком уровне они будут просто составляющими, а не НС [3, с. 19]. Нужно, однако, иметь в виду, что далеко не все входящие в тот или иной конкретный текст коммуникативные единицы, являясь составляющими этого текста, будут одновременно и его непосредственно составляющими. И это, по всей вероятности, тоже обусловлено антитранзитивностью отношений неравенства, о чём уже шла речь выше. Поэтому применительно к собственно иерархическим отношениям в качестве непосредственно составляющих, чтобы, отразив суть явления, избежать смысловой тавтологии (*непосредственно составляющие* – это *составляющие*, из которых *непосредственно образована...*), следует, по нашему мнению, квалифицировать такие и только такие коммуникативные единицы как фрагменты соответствующего текста, которые, с одной стороны, сами по себе могут образовать текст и/или входящую в него конструкцию предшествующего тексту ранга иерархии, с другой же стороны, чрезвычайно избирательны в поисках своего места в общем векторе иерархических отношений между коммуникативными единицами текста. Так, непосредственно составляющими текста являются, очевидно, **ПП**, **СП** и **СЕ** (что-то из этих трёх указанных конструктов в тексте есть обязательно, но любого из них может в нём и не быть).

Соответственно далее. Непосредственно составляющими сверхфразового единства являются **ПП** и **СП**, и только в сложном предложении составляющее и непосредственно составляющее представлены одним и тем же компонентом – частью сложного предложения, своего рода аналогом предложения простого. И если, таким образом, соотнести иерархию коммуникативных единиц текста с его НС, то в общем случае собственно иерархическими отношениями между структурными компонентами текста, включая и саму эту синтаксическую единицу, связаны только три его составляющих: простое предложение, сложное предложение и текст. Схематично эта связь может быть представлена следующим вектором:

ПП → СП → Т

Аналогичного вида вектор можно поставить в соответствие иерархическим отношениям в системе коммуникативных единиц сверхфразового единства при квалификации этого конструкта, подобно тексту, как предельной, высшего ранга синтаксической фигуры, и будет выглядеть этот вектор так:

ПП → СП → СЕ

Что же касается гипотетического и, на первый взгляд, вполне естественного графа **ПП → СП → СЕ → Т**, то он не корректен, поскольку сверхфразовое единство не является обязательным в иерархическом плане промежуточным звеном между сложным предложением и текстом, хотя и может быть одним из НС последнего. Лингвистически правильным и реально отражающим суть описываемого явления будет, по-видимому, следующий контаминированный образ, представляющий собой общую модель иерархических отношений между коммуникативными единицами, наполняющими любой текст и/или любое сверхфразовое единство:

	ПП	
(ПП)	СП	(СЕ) Т
	СЕ	

Составляющими, а соответственно и частями иерархического вектора текста, могут быть все входящие в него коммуникативные единицы в самых различных их комбинациях, а иерархически значимыми непосредственно составляющими такого вектора, включая текст, являются только предложение, как простое, так и сложное, и сверхфразовое единство.

Выводы. В построенных контаминированных образах достаточно, на наш взгляд, полно и объективно показаны иерархические отношения между входящими в текст коммуникативными единицами, а соответственно и особенности образующих этот синтаксический конструкт предикативных комплексов как определённой сочетаемости лингвистически значимых его структурных и содержательных компонентов. А в плане иерархии наиболее, по нашему мнению, существенными из этих особенностей являются такие две: 1) коммуникативная единица последующего иерархического уровня не всегда и совсем не обязательно строится непосредственно из единиц предыдущего, строго предшествующего ей уровня и 2) порядок расположения наполняющих текст коммуникативных единиц различного иерархического ранга жёстко не регламентирован и может быть практически произвольным, с многократным дублированием одних и тех же их моделей.

Перспективы дальнейших исследований заключаются в поисках возможности экстраполяции системы иерархических отношений между коммуникативными единицами в тексте, а соответственно и в других конструктах синтаксического яруса языковой системы на грамматику в целом, а при необходимости и на все предшествующие грамматике уровни структуры языка.

Библіографічні посилання

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. Москва, 1966. 608 с.
2. Великий тлумачний словник сучасної української мови / за ред. В. Т. Бусел. Київ, 2005. 1728 с.
3. Глосон Г. Введение в дескриптивную лингвистику. Москва: Изд-во иностр. лит-ры, 1959. 488 с.
4. Інформатика та обчислювальна техніка. Короткий тлумачний словник / за ред. проф. В. П. Гондюла. Київ: Либідь, 2000. 320 с.
5. Кондаков Н. И. Логический словарь. Москва: Наука, 1971. 656 с.
6. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. Москва: Сов. энцикл., 1999. 688 с.
7. Меншиков І. І. Речення як предикативна, комунікативна та функціональна одиниця мовлення. Дніпропетровськ: ДНУ, 2002. 48 с.
8. Меншиков И. И. Текст как синтаксическая единица. *Вісник Дніпропетров. ун-ту. Серія: Мовознавство*. 2003. Вип. 9. С. 167–170.
9. Меншиков И. И. Предикативная зона как фрагмент речевой цепи и синтаксическая категория. *Наук. вісник міжнарод. гуманіт. ун-ту. Серія: Філологія*. 2016. № 21. Т. 1. С. 17–19.
10. Меншиков И. И. Типология респонсивных предложений в современном русском языке (к постановке вопроса). *Вісник Дніпропетров. ун-ту. Серія: Мовознавство*. 2010. Т. 18. Вип. 16. С. 221–230.
11. Небеский Л. Об одной формализации разбора предложения. Математическая лингвистика. Москва: Мир, 1964. С. 145–149.
12. Попова І. С. Фундаментальні категорії українського синтаксису (одиниця, зв'язок, модель). Дніпропетровськ: Вид-во ДНУ, 2009. 432 с.
13. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Москва: Изд-во АН СССР, 1957. Т. 3. 559 с.
14. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Москва: Изд-во АН СССР, 1957. Т. 5. 639 с.
15. Русская грамматика: в 2 т. / ред. Н. Ю. Шведовой. Москва: Наука, 1980. Т. 2: Синтаксис. 710 с.
16. Селіванова О. О. Лінгвістична енциклопедія. Полтава: Довкілля, 2011. 844 с.
17. Стариченок В. Д. Большой лингвистический словарь. Ростов н/Д: Феникс, 2008. 811 с.
18. Суима И. П. Респонсивные предложения в диалогическом единстве. *Східнослов'янська філологія. Серія: Мовознавство*. 2015. Вип. 27. С. 130–136.
19. Уорф Бенджамен Л. Отношение норм поведения и мышления к языку. *Новое в лингвистике*. 1960. Вип. 1. С. 135–168.

References

1. Ahmanova, O. S. (1966), *Dictionary of Linguistic Terms* [*Slovar' lingvisticheskikh terminov*], Moscow, 608 p.
2. *Big Explanatory Dictionary of the Modern Ukrainian Language* [*Velikij tlumachnij slovník suchasnoi ukrains'koï movi*], Kyiv, 2005, 1728 p.
3. Glison, G. (1959), *The Entrance to the Descriptive Linguistics* [*Vvedenie v deskriptivnuju lingvistiku*], Moscow, 488 p.
4. *Science of Information and Computer. Brief Explanatory Dictionary* [*Informatika ta obchisljuval'na tehnika. Korotkij tlumachnij slovník*], Kyiv, 2000, 320 p.
5. Kondakov, N. I. (1971), *Logical Dictionary* [*Logicheskij slovar'*], Moscow, 656 p.
6. *Linguistic Encyclopedic Dictionary* [*Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar'*], Moscow, 1999, 688 p.
7. Menshikov, I. I. (2002), *Sentence as Predicative, Communicative and Functional Unit of Speech* [*Rechennja jak predikativna, komunikativna ta funkcional'na odinicja movlennja*], Dnipropetrovsk, 48 p.
8. Menshikov, I. I. (2003), "Text as a Syntactic Unit", *Herald of Dnipropetrovsk university. Series Linguistics* ["Tekst kak sintaksicheskaja edinica", *Visnik Dnipropetrovs'kogo universitetu. Serija Movoznavstva*], vip. 9, Dnipropetrovsk, pp. 167–170.
9. Menshikov, I. I. (2016), "Predicative Zone as a Fragment of Speech Cluster and Syntactic Category" *Scientific Herald of International Humanitarian University. Series Philology* ["Predikativnaja zona kak fragment rechevoj cepi i sintaksicheskaja kategorija", *Naukovij visnik Mizhnarodnogo gumanitarnogo universitetu. Serija Filologija*], № 21, t. 1, Odesa, pp. 17–19.
10. Menshikov, I. I. (2010), "Typology of the Responsive Sentences in the Modern Russian Language (to the Formulation of Problem)" *Herald of Dnipropetrovsk university. Series Linguistics* [Tipologija responsivnyh predlozhenij v sovremennom russkom jazyke (k postanovke voprosa), *Visnik Dnipropetrovs'kogo universitetu. Serija Movoznavstva*], t. 18, vip. 16, Dnipropetrovsk, pp. 221–230.
11. Nebeskij, L. (1964), *About One Formalization of Sentence Analysis. Mathematical Linguistics* [Ob odnoj formalizacii razbora predlozhenija. *Matematicheskaja lingvistika*], Moscow, pp. 145–149.
12. Popova, I. S. (2009), *Fundamental Categories of the Ukrainian Syntax (Unit, Relation, Model)* [Fundamental'ni kategorii vkrains'kogo sintaksisu (odinicja, zv'jazok, model')], Dnipropetrovsk, 432 p.
13. Pushkin, A. S. (1957), *Full Collection of Works in Ten Books* [*Polnoe sobranie sochinenij v desjati tomah*], Moscow, t. 3, 559 p.
14. Pushkin, A. S. (1957), *Full Collection of Works in Ten Books* [*Polnoe sobranie sochinenij v desjati tomah*], Moscow, t. 5, 639 p.
15. *The Russian Grammar* [*Russkaja grammatika*], Moscow, 1980, t. 2: *Syntax* [Sintaksis], 710 p.
16. Selivanova, O. O. (2011), *Linguistic Encyclopedia* [*Lingvistichna enciklopedija*], Poltava, 844 p.
17. Starichenok, V. D. (2008), *Big Linguistic Dictionary* [*Bol'shoj lingvisticheskij slovar'*], Rostov n/D, 811 p.
18. Suima, I. P. (2015), "Responsive Sentences in Dialogical Unity", *Eastern Slavic Philology. Series Linguistics* ["Responsivnye predlozhenija v dialogicheskom edinstve", *Shidnoslov'jans'ka filologija. Ser.: Movoznavstvo*], vip. 27. Artemivs'k, pp. 130–136.
19. Uorf, Bendzhamen L. (1960), "Relation of Norms of Behavior and Thinking to the Language", *New in Linguistics* [Otnoshenie norm povedenija i myshlenija k jazyku, *Novoe v lingvistike*], vyp. 1, Moscow, pp. 135–168.

МЕНЬШИКОВ Ігор Іванович

доктор філологічних наук, професор, професор кафедри загального та слов'янського мовознавства Дніпровського національного університету імені Олеся Гончара; пр. Гагаріна, 72, м. Дніпро, 49010, Україна;
тел.: +38(056) 374-98-80; e-mail: iimdnua@gmail.com; ORCID ID 0000-0001-8994-2958

ІЄРАРХІЯ КОМУНІКАТИВНИХ ОДИНИЦЬ У РОСІЙСЬКОМОВНИХ ТЕКСТАХ

Анотація. *Мета дослідження* – виявити ієрархічні відносини між комунікативними одиницями, що наповнюють російськомовний текст. *Об'єкт вивчення* – ієрархія як послідовне входження одних синтаксичних одиниць в інші, більш складні, *предмет* – російськомовні тексти з синтаксичними побудовами різноманітного рангу ієрархій. *Матеріал дослідження* – двадцять російськомовних текстів, що містять у собі комунікативні одиниці, побудовані за різними моделями. Використано описовий, структурний та кількісний *методи*. В *результаті* дослідження виявлено

послідовність входження в текст предикативних побудов різноманітної складності. **Практичне застосування** – можливе у дослідженні організації тексту як синтаксичної одиниці. Реалії мови, як відомо, далеко не завжди можуть відповідати канонізованим судженням, тлумаченням і формулюванням, у тому числі й таким, що зафіксовані в офіційних наукових, навчальних і довідкових виданнях. У надфразній єдності може не виявитися складних речень, а в ролі тексту як синтаксичної одиниці може функціонувати не тільки надфразна єдність або складне речення, а й речення просте і навіть окреме слово, яке також може при деяких умовах бути комунікативною одиницею. **Висновки:** 1) складовими тексту є предикативні комунікативні одиниці; 2) формально очікуваний вектор ієрархії комунікативних одиниць повинен мати приблизно такий вигляд: просте речення – складне речення – надфразна єдність – текст; 3) комунікативні одиниці наступного ієрархічного рангу в силу їх антитранзитивності не завжди будуються безпосередньо із одиниць рангу попереднього і такого, що суворо йому передус; 4) порядок розташування комунікативних одиниць різного ієрархічного рівня, що наповнюють текст, жорстко не регламентований та може бути практично довільним, із багаторазовим дублюванням одних і тих же моделей.

Ключові слова: текст, комунікативна одиниця, безпосередньо складові, ієрархічні відносини, антитранзитивність.

MENSHIKOV Igor

Doctor of Science, Philology, Professor, Professor of the Department of General and Slavonic Linguistics of Oles Honchar Dnipro National University; Gagarin Avenue, 72, Dnipro, 49010, Ukraine; tel.: +38(056) 374-98-80; e-mail: iimdn@gmail.com; ORCID ID 0000-0001-8994-2958

HIERARCHY OF COMMUNICATIVE UNITS IN RUSSIAN-LANGUAGE TEXTS

Summary. Objective of the study is to identify the hierarchical relations between communicative units that fill the Russian-language text. **The object of study** is the hierarchy as the sequential inclusion of some syntactic units into the other, more complex ones, **the subject** is Russian-language texts with syntactic constructions of various rank of hierarchies. **The material** of the study is twenty Russian-language texts containing communicative units which are built according to different models. **Methods** – descriptive, structural and quantitative methods were used. **Findings:** the sequence of occurrence in the text of predicative formations of varying complexity was revealed. **Practical value** – is possible in studies of the organization of the text as a syntactic unit. The realities of the language, as is well known, far from always can correspond to canonized judgments, interpretations and formulations, including those stated in official scientific, educational and reference editions. In a super-phrasal unity, there may not be complex sentences, and not only a super-phrasal unity or a complex sentence can function as a text as a syntactic unit, but a sentence can be simple and even a separate word, which can also be a communicative unit under certain conditions. **Results:** 1) the components of the text are predicative communicative units; 2) the formally expected vector of the hierarchy of communicative units should presumably have the following form: a simple sentence – a complex sentence – a superphrase unity – a text; 3) communicative units of the subsequent hierarchical rank due to their anti-transitivity are not always built directly from the units of the previous and preceding rank; 4) the order of location of the communicative units of different hierarchical levels, that fill the text is not strictly regulated and can be almost spontaneous, with multiple duplication of the same models.

Keywords: text, communicative unit, immediately components, hierarchical relations, anti-transitivity.

Надійшла до редколегії 07.04.19